

Неизвестно, показалось ли Сюэ Сяню, но в этом крошечном мраке пять медных монет Сюань Миня, обычно тусклых и невзрачных, вдруг заискрились желтоватым отсветом, словно их внезапно отполировали кровью.

Сюань Минь резко надавил большим пальцем на одну из монет, и алая кровь мгновенно хлынула, омыв её целиком.

Грохот —

На этот раз вся гробница содрогнулась с такой силой, будто началось землетрясение. Сюэ Сяня стало швырять из стороны в сторону, едва не заставив выплюнуть воду, что была впитана золотой жемчужиной.

Одной рукой Сюань Минь прижимал монеты, другую, с тлеющим огоньком, сложил у груди, словно творя буддийское приветствие в кровавом свете. Глаза его полуприкрылись, губы беззвучно зашевелились.

Гробницу внезапно потряс оглушительный грохот, камни взметнулись вверх, пыль застлала всё вокруг, небо, казалось, обрушилось на землю.

Затем сквозь обломки хлынула ледяная вода, в мгновение ока поглотив всех.

Холодная она была не меньше, чем в прежнем пруду, но от застоявшейся воды её отличал живой, пронизывающий холод, будто первый порыв северного ветра посреди зимы.

Это была настоящая, живая речная вода!

Погружаясь в воду, Сюэ Сянь с каменным лицом подумал: «Этот лысый монах мою работу отнял, и ведь вправду гробницу взорвал...»

Однако мысль его не успела закончиться, как он понял: Сюань Минь не просто гробницу взорвал — он взорвал весь остров Могильный Холм...

Камни, грязь, вырванные с корнем деревья — всё это рухнуло вниз, а вместе с тем и несметное войско мертвецов, и зрелище вышло поистине грандиозным.

Сюэ Сянь ещё пребывал в лёгком ступоре, как вдруг почувствовал, как вода под ним закружилась и забурлила.

Видимо, разрушение гробницы привело к крушению расклада «Сотня воинов, направляющих поток», вызвав в реке могучий водоворот. Со всех сторон к нему стягивались бесчисленные подводные струи.

Всех — и людей, и обломки камней, и мертвецов — подхватило этим вздыбившимся водоворотом и швырнуло так, что сознание помутилось.

В вихре головокружения Сюэ Сянь почувствовал приступ раздражения. То, что он вобрал в себя через золотую жемчужину, наконец-то переварилось и дало о себе знать — в миг его ярости горячая энергия, вытянутая из Сюань Миня, рванула внутри жемчужины, распирая всё тело мучительной болью, будто кожа вот-вот лопнет.

В мгновение ока небо над рекой почернело от сгустившихся туч, ослепительно-белый свет молнии рассек воздух, грохот, подобный топоту десяти тысяч коней, покотился с самых небес и

обрушился на реку.

Хлынул ливень, взметнулась водяная пыль, и вся гладь реки скрылась в непроглядном тумане, скрыв очертания людей.

Затем из речных глубин донёлся смутный, чистый звук, и в густом мареве мелькнул огромный длинный силуэт.

Он рванул вперёд всем телом — и водоворот с глухим рокотом рухнул на дно, увлекая за собой несчётные полчища мертвецов и тонны ила, словно водяной дракон, нырнувший в пучину.

Шесть чи земли хватает, чтобы похоронить одного человека, но шестидесяти чжанов речного дна — хватит ли, чтобы упокоить триста душ, пришедших с того света?

У самого берега, на окраине русла, ребёнок, не успевший укрыться от дождя, прильнул к дворовой стене. В руке он сжимал ветку сливы и, тыча ею в сторону реки и неба, кричал родителям, что спешили его забрать: «Драко-он!»

Супруги инстинктивно обернулись и увидели в густом тумане длинный силуэт, что, подхваченный облаками и громом, взмыл ввысь, а затем вновь нырнул в необъятные речные воды: «Господи, и вправду дракон...»

Длинный дракон взвился в поднебесье, но из-за грозы и плотной водяной пелены видевших его нашлось мало. Вероятно, это станет ещё одной легендой, подобно той, что дала имя уезду Волун.

Впрочем, сам Сюэ Сянь, ставший легендой, вовсе не был столь величествен, как виделось той семье. Взлететь на облаках ему, конечно, удалось — сказала природа истинного дракона, да и возвращение истинного облика не могло не радовать, — но едва он пронзил облака и вознёсся в вышину, как дала о себе знать проблема с полупараличом. Верхняя часть тела слушалась его прекрасно, а вот нижняя превратилась в длинную, неподъёмную обузу, которая при поворотах не помогала, а лишь мешала. И потому...

Он снова, с видом полной безысходности, камнем рухнул вниз.

В конце концов, его истинное тело покидало его уже полгода. За это время оно побывало в руках нескольких незнакомцев, да ещё советник Лю закопал его под своим ветхим домом, где оно, наверное, впитало немало грязного ила, прогнившей земли и одиноких бродячих душ. Даже теперь, когда его истинный дух вернулся в тело, было ощущение, будто старый хозяин примеряет новую оболочку, и требовалось время, чтобы заново к ней привыкнуть.

Так что этот негодник, распалившись, перестарался, и, падая обратно в реку, утратил мгновенную взрывную силу, а дух его уже не вполне управлял телом.

Он попытался слегка изогнуться, чтобы никого не задеть, но ничего не вышло. С каменным лицом он позволил себе медленно погружаться на дно.

Когда водоворот рассеялся, Сюань Минь уже начал всплывать и был почти у самой поверхности, как раз когда на него рухнул этот тонуший негодник...

Длинный хвост Сюэ Сяня придавил Сюань Миня ко дну, и тот, ещё сохраняя слабые проблески сознания, почувствовал, как грудь сжало от нехватки воздуха, после чего окончательно погрузился во тьму.

Сюань Минь: «...»

Сюэ Сянь молча выпустил пузырь: «...» На свете всегда найдутся вещи, перед которыми остаёшься бессилён. Может, ты снова память потеряешь?

К счастью, пострадал лишь Сюань Минь один. Лу Няньци, а также тела вытасченного девятнадцатого и старика Лю избежали участи быть раздавленными и всплыли на поверхность.

Величественные тучи и гром, что собрались из-за возвращения истинного духа Сюэ Сяня, так же быстро и рассеялись. Едва стих ливень, как люди заметили нечто, дрейфующее по реке, и сильно перепугались. Ловец трупов, отвечавший за очистку этого участка русла, на вёсельной лодке, дрожа от страха, добрался до середины реки.

За долгую жизнь он повидал многое, но такого зрелища ещё не встречал: по речной глади, окутанной водяной пылью, плавало множество тел. Некоторые, судя по всему, пробыли в воде очень долго — одежда на них истлела, — а несколько других казались свежими, будто утонули недавно.

Ловец трупов загибал пальцы, пересчитывая: всего девять.

Три свежих лежали кучкой, будто были вместе. Остальные шесть, постарше, плавали поодаль друг от друга, и, не то чтобы это было игрой воображения, но с его точки зрения каждое из этих шести тел располагалось как раз напротив одного из островков посреди реки.

Эти островки обычно разбросаны неподалёку от острова Могильный Холм, гораздо меньше его и служат лишь пристанищем для водоплавающих птиц, обычно не привлекая особого внимания. Но сейчас они почему-то казались непривычными, будто с ними что-то не так.

Ловец трупов, подцепляя тела багром, размышлял.

Спустя мгновение он вдруг осознал: «А куда делся остров Могильный Холм?!»

Будучи старым мастером, он работал быстро и в мгновение ока подцепил два наиболее свежих тела и перевернул их. Увидев лица, он вздрогнул: старика Лю он знал, а Лу Шицзю и вовсе видел, как тот рос.

Он вздохнул, протянул длинный шест и подцепил третье тело.

«Грех какой...» — прошептал он, увидев, что это тощий и тщедушный Лу Няньци. «Вот и семье Лу конец.»

Однако, стаскивая Няньци в лодку, ловец трупов вдруг втянул воздух со свистом и пробормотал сам себе: «А этот Няньци... будто изменился? Я же видел его совсем недавно.»

Лу Няньци часто выходил из дому — и за дровами, и по стряпне, — так что ловец трупов постоянно встречал его на улице. Все соседи в округе, кто хоть немного знал семью Лу, были в курсе его истинного возраста и слышали, что после гибели отца и собственного падения в воду он долго пролежал в горячке, которая не спадала, и тело его после этого будто замерло, почти не росло. На первый взгляд он казался ребёнком лет пяти-шести, только говорил и вёл себя не по годам зрело.

В представлении ловца трупов, который и сам был невысок, Лу Няньци, выпрямившись во весь рост, едва доставал ему до груди.

Но сейчас, глядя на лежащего в лодке паренька, он мысленно прикинул размах рук и понял: тот... будто подросток.

«Не бывает, чтобы человек за несколько дней так вымахал...» — пробормотал ловец трупов, но тут же нашёл объяснение: наверное, речная вода раздула тело.

Едва он убрал руку и собрался подцепить тела подальше, как Лу Няньци, лежавший на дне лодки, без всяких предвестников ожил.

«Кх-кх-кх!..»

Няньци прокашлялся несколько раз, «бух» — выплюнул воду, что наглотался, покраснел от натуги и наконец, в полубессознательном состоянии, открыл глаза.

И первое, что он увидел, было то, как ловец трупов, перепугавшись, шлёпнулся в воду.

Няньци: «...»

<http://bllate.org/book/16289/1467959>